

Заозерский Н. А. [Памяти прот. А. В. Горского.] Слово, произнесенное профессором Н. А. Заозерским на литургии 22 октября // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 11. С. 373–380 (2-я пагин.).

СЛОВО,

произнесенное профессоромъ Н. А. Заозерскимъ на литургии 22 октября.

Ревнуйте дарованій большихъ и еще по превосхожденію путь вамъ показую (1 Кор. XII, 31).

Безцѣнные дары Божественнаго свѣта отъ приснотекущей зиждительной силы Животворящаго Духа изливаются на усновленныхъ Отцу чадахъ Божіихъ крестною жертвою Сына Божія. Всѣ и каждый, удостоившіеся права сыноположенія воспринимаютъ многоразличные дары Духа и, какъ люди, различно употребляютъ ихъ. Одни, пріемля пять талантовъ, дѣлаютъ и пріобрѣтаютъ другіе пять, иные—два, дѣлаютъ и пріобрѣтаютъ другіе два; но есть и такіе, кои, принявъ отъ Всевышняго Раздаятеля одинъ талантъ—не пользуются ни сами, ни другихъ не снабжаютъ, а скрываютъ въ землю. И вотъ Св. Апостоль, имѣя въ виду съ одной стороны это многоразличіе человѣческой воспріемлемости даровъ Духа, а съ другой—неисчерпаемую глубину богатства премудрости и разума Божія, восторженно взываетъ чадамъ Божіимъ: *ревнуйте большихъ дарованій*. Не говоритъ: просите, ищите—но: *ревнуйте*; не просто дарованій но: ревнуйте дарованій *большихъ* т. е. высшихъ, и за тѣмъ—„я покажу вамъ, стяжавшимъ эти большіе дары—луть, еще болѣе высшій—по превосхожденію.

Что это за дары? Они многоразличны: даръ исцѣленій, даръ языковъ, даръ пророчества, даръ управленія, но высшій изъ всѣхъ даровъ—даръ премудрости и разума. Это—верхъ человѣческаго желанія, верхъ желаній человѣка, земнаго

жителя, съ одной стороны уничиженнаго до подобія съ пресмыкающимся червемъ и прахомъ земнымъ, съ другой—возвеличеннаго и украшеннаго до высоты сверхъ-чувственнаго, равноангельскаго состоянія — безплотныхъ небожителей, непосредственныхъ созерцателей Божественнаго Источника свѣта.

Удивительно ли, что изъ глубокой, сѣдой древности мы слышимъ молебный къ Источнику премудрости и разума вопль о дарованіи премудрости и похвалу еѣ; вѣдь не мирится же человѣку съ жребіемъ червя и праха земнаго! „Я молился—вѣщаетъ намъ древній мудрецъ—и (Господь) дароваль мнѣ разумъ; я взыскиваль и сошелъ на меня духъ премудрости. Я предпочелъ еѣ скипетрамъ и престоламъ и богатство почиталь за ничто въ сравненіи съ нею. Драгоценнаго камня я не сравниваль съ нею, потому что предъ нею все золото—ничтожный песокъ, а серебро—грязь въ сравненіи съ нею. Я возлюбилъ еѣ болѣе здоровья и красоты, я избралъ еѣ предпочтительно передъ свѣтомъ: *ибо свѣтъ ея неугасимъ*. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя... Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благодати Его. Она одна — но можетъ все, и пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ и, переходя изъ рода въ родъ въ святыхъ души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ..... Я возлюбилъ еѣ и взыскалъ отъ юности моея и пожелалъ взять еѣ въ невѣсту себѣ и стать любителемъ красоты ея. Она возвышаетъ свое благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ Богомъ и Владыка всѣхъ возлюбилъ еѣ..... Посему я разсудилъ принять еѣ въ сожитіе съ собою, зная, что она будетъ мнѣ совѣтницею на доброе и утѣшеніемъ въ заботахъ и печали. Черезъ нее я буду имѣть славу въ народѣ и честь предъ старѣйшими, будучи юношею; окажусь проницательнымъ въ судѣ и въ глазахъ сильныхъ заслужу удивленіе..... Черезъ нее я достигну бессмертія и оставлю вѣчную память будущимъ послѣ меня“ 1).

Но что намъ, братіе, эти рѣчи древняго мудреца!

Прошло лишь 25 лѣтъ какъ изъ скромной среды нашей изъять былъ избранникъ Божій, ревнитель христіанской мудрости, начальникъ, учитель и отецъ Академіи, блажен-

1) Книга Премудр. Соломона, гл. VII—VIII, 9—13.

ный создатель сего всечестнаго храма Покрова Преплблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы. Его трудами, слезами и молитвами созданъ былъ храмъ сей; и да не смущается, но да возрадуется сердце ваше присоединеніемъ къ мольбамъ Заступницѣ Усердной молитвеннаго воспоминанія о приснопамятномъ создателѣ св. храма Бя.

Мы были свидѣтелями и самовидцами жизни этого ревнителя большихъ дарованій, этого христіанскаго мудреца, его сожитія съ избранною имъ невѣстою — мудростію; были свидѣтелями блаженной кончины его, стяжавшаго — въ союзѣ съ нею — славу, мало сказать въ народѣ русскомъ, но во всѣхъ народахъ славянскихъ — православныхъ; и эта слава не забудется въ нихъ, пока они будутъ знать или — по крайней мѣрѣ — не забудутъ своей исторіи, пока не забудутъ начало — вождей своей исторіи — равноапостольныхъ Кирилла и Меодія. Тысяча лѣтъ раздѣляла ихъ отъ нашего учителя и отца; но онъ былъ ревностнѣйшимъ продолжателемъ святаго дѣла ихъ, извлекъ изъ тьмы забвенія и невѣжества на свѣтъ Божій прекрасные плоды ихъ просвѣтительной дѣятельности на славянорусской почвѣ, и въ разгаръ брато-ненавистнической распри безбоязненно и рѣшительно съ силою евангельской и канонической истины въ семъ храмѣ защищалъ правое дѣло угнетаемыхъ.

Свѣтъ мудрости неугасимъ — вѣщаль древній мудрецъ: оправданіе этой истины на глазахъ нашихъ.

Прошло четверть вѣка съ того дня, какъ нашъ незабвенный любитель мудрости изъять изъ среды нашей. Но можно ли сказать, что не только *угасъ*, а лишь *померкъ* нѣсколько свѣтъ его мудрости? Напротивъ, должно сказать, что прошло еще весьма мало времени для того чтобы свѣтъ этой христіанской мудрости возсіялъ во всемъ блескѣ величія и красоты: многое изъ дѣлъ его должно еще храниться подъ спудомъ — ради злобы временъ и по уважительнымъ обстоятельствамъ. И кто знаетъ, не будутъ ли отдаленныя поколѣнія счастливѣе насъ, свидѣтелей жизни его, узнавъ и изучивъ то, что отъ насъ остается сокрытымъ? Не даромъ же знаменитый вѣтя — одинъ изъ славныхъ учениковъ его — въ своемъ надгробномъ словѣ говорилъ о немъ: „Онъ изъять отъ насъ, но оставить *дѣла* и какъ счастливъ, стократъ счастливъ тотъ, кому Богъ судить, какъ избраннику, оста-

вить по себѣ такія дѣла, какія оставляетъ новопреставленный для назиданія и подражанія другихъ, ближайшихъ и дальнихъ поколеній“¹⁾).

И не думаете ли вы, братіе, что я осмѣлюсь въ похвалу его повѣствовать о дѣлахъ мудрости его? Нѣтъ и нѣтъ. Не достало бы мнѣ для сего—не обвинюсь скажу — ни времени, ни необходимаго для сего нравственнаго совершенства. Не въ похвалахъ нуждаются подобные Божіимъ избранники, но мы, ничтожные свидѣтели дѣлъ ихъ, нуждаемся въ благодатномъ озареніи и очищеніи, дабы право свидѣтельствовать объ истинѣ и не заслужить суда исторіи въ извращеніи ея.

Простите мнѣ вы, ревнители памяти нашего незабвеннаго христіанскаго мудреца, что въ мѣру силы своей я лишь кратко коснусь словомъ своимъ одного и перваго свойства его христіанской мудрости, которое Апостоль называетъ чистотою: *яже свыше премудрость первъеубо чиста есть* (Іаков. Посл. III, 17).

Одинъ изъ позднѣйшихъ учениковъ его, я помню его уже старцемъ, ветхимъ деньми, но никогда я невидѣлъ въ немъ старческой дряхлости. Обычный видъ его — видъ простаго старика—православнаго священника. Но стоило лишь услышать голосъ его и приблизиться на такое разстояніе, чтобы увидѣть свѣтъ очей его, чтобы сразу ощутить свое ничтожество предъ величіемъ и красотою этого старца. Величественъ былъ взоръ его, пріосѣненный густыми бровями — мудрости, но въ то-же время привѣтливъ — привлекалъ къ себѣ. Бывалъ, однакоже, и гнѣвнъ взоръ его. Помню я, какъ однажды въ 10-й, вечерній часъ—часъ молитвы, которую мы совершали группами каждая, въ своей занятой комнатѣ, вмѣсто молитвы мы тѣсно сплотились вокругъ своего товарища—веселаго расказчика. Въ самый разгаръ его шумной рѣчи вдругъ раздался голосъ: „чѣ вы дѣлаете?“ — Какъ громомъ поразилъ насъ этотъ голосъ, мы увидали стоявшаго предъ нами старца — ректора — и онемѣли отъ стыда и ужаса. „Не ужени для такихъ бесѣдъ вамъ мало было времени! Вамъ нравятся такія бесѣды? И въ этотъ часъ!“—Но за тѣмъ, видя, вѣроятно, что мы крайне сму-

¹⁾ Слово Арх. Михаила.

шены, онъ продолжалъ значительно мягче: „Неужели одного этого часа вы не могли сберечь для себя! Какъ вы приступите къ молитвенному общенію съ Богомъ, когда мнѣ, человѣку, противно быть съ вами!“ И съ поникшею головою онъ тихо удалился отъ насъ.

До сихъ поръ я не могу забыть этого урока. Такъ чиста была его душа и такъ отражалась она во взорѣ его, что все пошлое и низкое невольно сжималось предъ нимъ стыдѣніемъ лица.

Я живо помню обстановку жилища его и бесѣды съ нимъ въ этомъ жилищѣ. Все обширное помѣщеніе его имѣло видъ палаты библиотеки, уставленныхъ полками и книжными шкапами—съ полу до верху. Обычнымъ часомъ для бесѣдъ его со студентами былъ послѣужинный—9-й. Въ этотъ часъ мы приходили къ нему за книгами — пособиями для сочиненій по всѣмъ наукамъ; въ этотъ же часъ онъ призывалъ студента, проповѣдь котораго онъ предназначалъ къ произношенію въ храмѣ; онъ поощрялъ эти хожденія за книгами и охотно давалъ послѣднія и бесѣдовалъ съ юношами во всей простотѣ. Безбоязненно можно было открывать ему всю свою душу. О чемъ же были эти бесѣды? Конечно, ближайшимъ образомъ о предметѣ сочиненія, но они выходили и далеко за эти предѣлы. И было о чемъ бесѣдовать....

Какое было то время? Семидесятые годы (1872 — 1875). Время—быстро смѣнявшихъ одна другую реформъ, время кипучей литературной дѣятельности; время такой свободы печати и открытой, и подпольной, какая теперь представляется дѣломъ невѣроятнымъ. Великихъ общественныхъ дѣятелей, дѣятелей науки и литературы дало это время; но оно взлелѣяло и не мало горячихъ головъ, которыя, схвативъ верхушки теорій матеріалистическихъ, нигилистическихъ, социалистическихъ, отважно выходили на путь пропаганды ихъ въ средѣ народа, возбуждая по преимуществу юношество къ ломкѣ всѣхъ устоевъ жизни, безпощадно критикуя и разрушая бытъ *отцовъ* и призывая *дѣтей* къ устройству какого то совершенно новаго личнаго, семейнаго и общественнаго быта.

Съ большимъ тактомъ нашъ учитель и отецъ затрогивать и эту в. щекотливую сферу вопросовъ мысли и жизни, которая, конечно, не могла быть не извѣстна ни одному

мало-мальски развитому юношѣ—того времени. И вотъ нерѣдко, въ тонѣ рѣчи нашего учителя въ такого рода бесѣдахъ можно было слышать: „ужь не увлекаетесь ли и вы?“

Въ его распоряженіи было такъ много средствъ для удаленія всякаго нравственнаго колебанія, свойственнаго неустойчивому юношескому возрасту, что ему не было никакихъ основаній опасаться неудачи своего благотворнаго воздѣйствія. Его начитанность была такъ обширна, его ученость такъ глубока, что всякая заманчивая для его юнаго собесѣдника новинка оказывалась ему хорошо извѣстной, взвѣшенной и оцѣненной. Послѣдствіемъ такого духовнаго соприкосновенія съ этою живою мудростію выходило то, что юный собесѣдникъ выходилъ послѣ бесѣды съ яснымъ сознаніемъ, что онъ не только еще не посвященъ своею начитанностію въ тайны науки и прогресса, а ознакомленъ не болѣе, какъ только съ вывѣсками ихъ, иногда грубо размалеванными дешевою кистью и красками публициста, популяризатора или беллетриста.

Его образовательно — воспитательную программу можно, кажется, свести къ слѣдующимъ началамъ:

1) Займитесь пристальнѣе дѣломъ самообразованія и самовоспитанія, прежде чѣмъ отваживаться учить другихъ.

2) Не довѣряйтесь авторитетамъ особенно пышно рекламируемымъ, не провѣривъ тѣ данныя, на которыхъ они основываютъ свои выводы;

3) Старайтесь изучать языки и знакомиться съ литературою предмета по возможности шире: мы, русскіе, спѣшно усвоаемъ перенятое и слишкомъ спѣшно стремимся оповѣстить это, выдавая его за послѣднее слово науки и цивилизаціи.

4) Старайтесь изучать предметъ глубже, не ограничиваясь даже и тщательнымъ знакомствомъ съ готовыми изслѣдованіями; нужно и ихъ провѣрять *первоисточниками*.

Самъ онъ, какъ ученый, въ своихъ трудахъ представлялъ живое осуществленіе этой программы.

Я живо помню послѣдній день его жизни—это суббота 11 Октября. Въ этотъ день утро съ 6 часовъ началось литургіей, послѣ причащеннаго стиха которой служившій священникъ со св. чашею въ сопровожденіи діакона и пѣвчихъ—человѣкъ 7—8 послѣдовали въ первый ректорскій залъ для приобщенія страдальца Св. Тиннъ; я былъ въ числѣ

этихъ пѣвчихъ. Меня поразили торжественный видъ страдалца. Онъ стоялъ у кресла, поддерживаемый двумя служителями, облаченный въ бѣлую ризу и епитрахиль. Прерывающимся отъ затруднительнаго дыханія голосомъ, но явственно произнесъ онъ слова исповѣданія Тѣла и Крови Христовыхъ, за тѣмъ пріобщился и стоялъ провожая благоговѣйно молитвенными взорами удалявшагося священника. Намъ не хотѣлось уходить, не получивъ его благословенія и мы на нѣкоторое время остались. Онъ опустился въ кресло и мы подошли къ нему, и вотъ его слова: „благодарю васъ..... вы потрудились..... для меня“. Мы орошали слезами его руку благословлявшую насъ въ послѣдній разъ.

Странное дѣло! У меня рѣзко запечатлѣлся въ памяти не видъ страдалца, а образъ блага, свѣтлаго старца не отъ міра сего. Съ опредѣленнымъ убѣжденіемъ я вышелъ, что болѣе уже нѣтъ съ нами нашего земнаго учителя и отца!

Помию живо, что цѣлый этотъ день была какая то особенная тишина; всѣ какъ будто въ полголоса спрашивали: не слышать ли чего?

Въ одиннадцатомъ часу вечера эта тишина разрѣшилась вѣстью, что отца нашего не стало!

Тогда не было въ обычаѣ выражать признательность усопшему вѣнками. Да и страннымъ представилось бы намъ студентамъ вѣнчать его такими лаврами. Никогда онъ не искалъ подобныхъ вѣнцовъ.

Но у насъ быстро сформировалась мысль—установить изъ себя череды для ежедневныхъ раннихъ обѣденъ въ теченіи сорокоуста. И мы осуществили эту мысль, не пропустивъ ни одного дня безъ того, чтобы послѣ литургіи не совершить на могилѣ его литіи.

Меня долго занималъ вопросъ какъ при жизни такъ и по смерти почившаго—какая внутренняя движущая сила опредѣляла его жизнедѣятельность? Какая страсть заставляла его такъ жить, такъ относиться къ людямъ? Въ чемъ онъ находилъ цѣль жизни и свое счастье? Именно счастье: ибо я его всегда видѣлъ жизнерадостнымъ.

Никакого, никакого, даже ученаго честолюбія у него не было, корыстолюбія не было, исканія популярности не было, пристрастія къ удовольствіямъ не было.

Разрѣшеніе вопроса я нашелъ въ дневникѣ его. Вотъ на-

чало его дневника, написанное имъ — двадцати лѣтнимъ юношею:

„Что такое я?—О несносныя оковы! Отъ одного взора на васъ, отъ одного присутствія вашего напуганная душа моя боится предаться всей свободѣ чувствъ своихъ!... Во мнѣ живетъ *два я*, но они тотъ же одинъ я самъ только въ двухъ различныхъ, болѣе или менѣе остепененныхъ и укрѣпившихся положеніяхъ....

„Есть я всеугодливое, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастью моему... Другое я самостоятельное, отъ котораго каждый разъ я получаю строгіе выговоры за послушаніе первому, которое родилось со мною, это: природная живость, упругость и саморазгибаемость моихъ силъ“.

Это писалъ двадцатилѣтній юноша. Вся жизнь его за тѣмъ была непрерывнымъ такимъ самобичеваніемъ. Высшимъ судіею его былъ этотъ его внутренній человекъ — это всегда живое упругое, саморазгибающееся въ силахъ своихъ духовно-нравственное существо. Оно свыше питалось общеніемъ съ Богомъ, любовью къ Которому онъ всегда желалъ горѣть и непреодолимою склонностью къ знанію. Эти двѣ силы парализовали въ немъ все и всяческія обычныя побужденія и страсти человѣческія и дѣлали его простымъ пріятнымъ со всеміи человѣкомъ при неизмѣримой высотѣ его интеллектуально-нравственной личности.

Возблагодаримъ Господа и Пречистую Матерь Его, Имени Которой великимъ старцемъ нашимъ посвященъ храмъ сей, за дарованіе нашей высшей богословской школы мужа, составляющаго славу и честь ея! Помолитесь о немъ, да вселитъ его Господь въ невечернѣмъ царствіи своемъ, гдѣ онъ во очію узритъ свѣтъ истины и любви, которыя онъ стремился воплотить въ себѣ и другихъ.

Н. Заозерскій.
